

ВЛАДИМИР
МАКАРЦЕВ

ВОЙНА

ЗА СПРАВЕДЛИВОСТЬ

ИЛИ МОБИЛИЗАЦИОННЫЕ
ОСНОВЫ СОЦИАЛЬНОЙ
СИСТЕМЫ РОССИИ

К СТОЛЕТИЮ
ВЕЛИКОЙ
РЕВОЛЮЦИИ
1917 г.

Владимир Макарецв

**Война за справедливость, или
Мобилизационные основы
социальной системы России**

«Алисторус»

2016

УДК 1(47)(09)
ББК ТЗ(2)52

Макарцев В. М.

Война за справедливость, или Мобилизационные основы
социальной системы России / В. М. Макарцев — «Алисторус»,
2016

ISBN 978-5-906842-71-8

История России – сплошной парадокс. Потому что все, кто ею занимаются, смотрят на нее глазами «образованного общества», глазами тех, кто имел привилегию на получение образования и потому принадлежал к одному из кругов высшего сословия. Элитарность исторической науки и есть источник парадоксов и «белых пятен», не позволяющих прийти к единому пониманию Истории. Книга представляет собой попытку уйти от ведущих в тупик и набивших оскомину прописных истин; в ней представлен совершенно новый, нигде раньше не публиковавшийся взгляд не только на нашу историю, но и на нашу современность, открывая новые горизонты познания. Книга написана к 100-летию эпохи Великой революции-1917 и рассчитана на специалистов: социологов, политологов, правоведов, историков, политических и общественных деятелей, на всех, кто болеет душой за Отечество и Справедливость.

УДК 1(47)(09)

ББК ТЗ(2)52

ISBN 978-5-906842-71-8

© Макарцев В. М., 2016

© Алисторус, 2016

Содержание

От автора	6
Глава I	7
Вступление	7
1914 год: начало современной истории России и проблемы исследования Первой мировой войны	11
Глава II	17
Социология, социологи и немслящая Россия	17
Определение предмета и выбор социологического метода	22
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Владимир Макарец
Война за справедливость, или
мобилизационные основы
социальной системы России

«Создавать смысл, исходя из реальности».

Иммануил Валлерстайн

© Макарец В. М., 2016

© ООО «ТД Алгоритм», 2016

От автора

Единственной причиной, которая толкнула автора на написание этой книги, было любопытство. Именно оно не позволяет ему поверить в успех разных политических и научных деятелей, упорно пытающихся осчастливить нас какой-нибудь национальной идеей. И чего только не напридумывали, сколько деньжищ потратили – и все напрасно. Многолетние и бесплодные усилия в этом направлении доказывают, что и искать-то, собственно говоря, нечего – у России никогда не было национальной идеи в том смысле, который в нее вкладывают либеральные теоретики «евразийской» демократии.

Зато было и есть нечто неизвестное, какая-то «темная материя», социальная по своей сути, которая живет по собственным законам, заставляя и нас неуклонно следовать им, вопреки достижениям современной цивилизации, которая парадоксальным образом толкает весь мир назад, в варварство, из одного единственного желания – передела рынков сбыта. Чем закончились два предыдущих передела, стараются не вспоминать, наоборот – активно переписывают историю, наращивая антироссийскую истерию вместе с военными группировками у наших границ.

А что можем мы, простые смертные? Для начала хотя бы попытаться понять самих себя, чтобы не повторить тех ошибок, за которые пришлось заплатить колоссальную цену по итогам двух мировых войн и одного предательства, и за которые нам еще придется расплачиваться в будущем. Но мы же не хотим назад... в будущее, а без любопытства здесь не обойтись.

И вот его результат...

Глава I

Война и ее влияние на формирование социальной системы России

Вступление

По некоторым данным, Россия провела в войнах 334 года из 538 лет, прошедших со времени Куликовской битвы (1380) до подписания Брестского мира (1918).¹ Если к этому добавить советский период с 1918 по 1991 годы, то получится еще почти 50 лет – непосредственно войны и международные конфликты с неформальным участием СССР, всего примерно 384 года из 611 лет (1380–1991).

Много это или мало, да и почему вообще нужно говорить о войне при изучении социальных систем? Ответ напрашивается сам собой – в мире практически нет страны, которая не прошла бы через войны, большие или малые, победоносные или проигранные. А это значит, что в мировой системе социальных отношений война занимает особое место. Еще Платон говорил, что война – это естественное состояние народов. А видный русский стратег А. Е. Снесарев в своей работе «Философия войны» пришел к выводу о том, что «в прошлом человечество воевало непрерывно».²

Сегодня принято считать, что «война не просто сопутствует развитию человеческого общества, война интегрирована в жизнь общества (курсив В. М.). Все, что связано с причинами, целями, мотивами войны, ходом военных действий, способами решения военных задач и так далее, с одной стороны, обусловлено изменениями самой социальной действительности, с другой – детерминирует ее (социальной действительности) изменения».³

Другими словами, война – универсальное и всеобщее явление, способное радикальным образом менять направление социального развития общества. Она либо дает импульс для его развития в случае победы, либо приводит к упадку и деградации в случае поражения (хотя история XX века знает и обратные примеры). Россия в этом смысле не исключение. Но существует расхожее мнение, что она потому так трудно прокладывает путь к демократическому обществу, что «всю жизнь» воевала. Крупнейший социолог XX века Питирим Сорокин, например, говорил, что «волею судеб мы принуждены были постоянно воевать».⁴

Однако даже при поверхностном взгляде становится ясно, что немалым военным опытом обладают и другие страны. Так, США воевали 186 лет из своей, в общем-то, недолгой 234-летней истории (1776–2010 гг.).⁵ Правда, при подсчете автор учитывал и такие войны, приведенные в сетевом ресурсе Wikipedia, как холодная война или вооруженное противостояние 1948–49 годов в Берлине. Как известно, в этих конфликтных ситуациях, также как и в некоторых других, прямых боевых действий не было, а потери были незначительны или их не было совсем.

В любом случае, это почти вдвое меньше, чем 384-летняя военная история России (военные конфликты на постсоветском пространстве автор не учитывал). Но в процентном отно-

---

¹ Б. Никольский «Войны России», «Русский колокол», 1928. № 3. Цит. по http://armyrus.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=480&Itemid=1896

² http://a-e-snesarev.narod.ru/Philosofy_of_war.pdf

³ Поваляев В. Г. Война как социальное явление // В. Г. Поваляев. Автореферат диссертации. – М., 2007. <http://www.dissercat.com/content/voina-kak-sotsialnoe-yavlenie>

⁴ Сорокин, П. А. Общедоступный учебник социологии. – М.: Наука, 1994. – С. 425

⁵ United States military casualties of war // Wikipedia. http://en.wikipedia.org/wiki/United_States_casualties_of_war

шении американская «война и мир» составляет пропорцию примерно 80:20. Условно говоря, США посвятили войнам почти 80 процентов своей истории. При этом большую часть военных действий они вели за пределами не только своей территории, но и североамериканского континента, что заметно отличает их военно-исторический опыт от российского, который охватывает «всего лишь» 63 % исторического периода, длиною в 611 лет.

А при беглом взгляде на военный опыт Европы выясняется, что начиная со 100-летней войны (1337–1453), т. е. примерно со времен Куликовской битвы, европейские страны провели в войнах порядка 587 лет.⁶ Такой весьма поверхностный и не вполне научный подсчет, тем не менее, показывает, что суммарно Европа воевала на 200 лет дольше, чем Россия. Хотя, конечно, каждая европейская страна прошла собственный военный путь, который оказался или короче, или длиннее русского.

Тогда получается, что военная история России не является чем-то уникальным. Больше того, в годовом исчислении она уступает Европе, а в пропорциональном и Америке. Однако социальное и политическое развитие России как бы ушло в сторону от общеевропейского пути. И, несмотря на все радикальные трансформации конца XX и начала XXI вв., ей никак не удастся встать на путь социальных завоеваний Запада. Не случайно его политики и общественные деятели не устают упрекать руководство Российской Федерации в давлении на бизнес, в отсутствии независимых судов и гражданского общества, в ущемлении прав человека и во многом другом. А в последнее время от упреков они перешли к прямым угрозам и всякого рода санкциям, требуя изменить политическую практику России и сменить ее руководство!

Для нас же в данном случае важно не это: вопреки сравнительно невысоким показателям участия в войнах, Россия по-прежнему сохраняет в себе черты военного общества, основные признаки которого еще в XIX в. сформулировал Герберт Спенсер в своей знаменитой работе «Принципы социологии». Он считал, что «военный тип общества – это такой тип, в котором армия мобилизована всей нацией, в то время как сама нация представляет собой «застывшую» армию, и который, следовательно, приобретает структуру, общую для армии и для нации».⁷ Характерным признаком такого общества является централизованное управление, необходимое во время войны. Оно же составляет систему государственного управления и во время мира: «все – рабы по отношению к тем, кто выше, и все деспоты по отношению к тем, кто стоит ниже. Такая структура повторяет себя в соответствующих социальных институтах».⁸

Военное общество, к каковому автор вслед за Гербертом Спенсером относит Россию, отличается от невоенного примерно так же, как закаленный и израненный в боях воин отличается от юного и пышущего здоровьем новобранца. Война, как увеличительное стекло, собирающее световой луч в раскаленной точке, резко поднимает градус социального напряжения и ломает привычные устои жизни – здесь и людские, и материальные потери, здесь море человеческих страданий, здесь утраты или завоевания территорий и, конечно, нажива. А все вместе это ведет к деформации социальных отношений, к изменению вектора социального развития. Наверное, поэтому влияние войны на судьбы России Пителим Сорокин называл роковым, поскольку она не может не менять самой структуры общества просто в силу того, что под ее влиянием меняется и состав общества, и его свойства.⁹

Но комплексное, всестороннее изучение вызванных войнами социальных деформаций представляет собой определенные трудности, поскольку, во-первых, охватывает широкую область междисциплинарных отношений, а во-вторых, требует «незамыленного» взгляда. Видимо, поэтому при анализе современного социально-экономического состояния России и

---

⁶ List of conflicts in Europe // Wikipedia. http://en.wikipedia.org/wiki/List_of_conflicts_in_Europe

⁷ Spencer, Herbert. The Principles of Sociology. v. 1–2. N-York, 1897. P. 557. Цит. по <http://www.archive.org> (пер. В. М.)

⁸ Там же. С. 558 (пер. В. М.)

⁹ Сорокин П. А. Горькая жатва Марса // Новое время. № 49. 1990. Стр. 42, 43

ее советского прошлого многие исследователи не находят ничего лучше, как вторить нашим западным «партнерам», сводя все к презумпции виновности «тоталитарного политического режима».¹⁰ Сегодня многим невдомек, что короткий исторический период, так называемый социалистический или – в западной интерпретации – тоталитарный, был неотъемлемым продолжением тысячелетней истории России, 384 года из 611 лет которой были отданы войне.

По логике вещей, сегодня к военному обществу мы могли бы отнести США, которые провели в войнах 80 процентов своей истории, или Европу, превосходящую Россию по общему количеству военных лет. Но это не так: и США, и Европа отличаются высоким уровнем развития демократии, частной инициативы и торжества закона. Из этого следует, что *продолжительное участие в войнах само по себе не ведет к появлению военного общества*.

Склонность российского общества к военной самоорганизации и временами к безграничному патернализму трудно объяснить деятельностью тех или иных политических акторов – например, трагическими ошибками последнего императора, злым гением коммунистического диктатора или казнокрадством современных чиновников и олигархов. Для людей, знакомых с отечественной историей, не секрет, что черты военного общества в той или иной степени были присущи России всегда. Историческая устойчивость ее социальной системы к немногочисленным демократическим прививкам говорит о том, что дело, скорее всего, не в политике лидеров, не в самих лидерах или чиновниках, а в действии каких-то пока еще непознанных социальных механизмов, в действии как раз той самой «темной материи», о которой мы говорили выше.

При этом речь идет не о формально существующей политической системе. Она-то уж точно обладает всеми признаками современного демократического государства, которые, правда, некоторые политологи считают «имитацией отсутствующих институтов»¹¹ (Л. Ф. Шевцова). Речь идет о теневых, латентных механизмах социального действия, относящихся к глубоко внутренним структурным формам системы. Это некие невидимые приводные ремни – действительно, что-то вроде космической «черной материи» или «черных дыр»: сила их гравитации такова, что поглощает свет и заставляет планеты менять орбиту. Инструментально обнаружить их невозможно, и остается только измерять отклонения в орбитах планет, чтобы определить местоположение «черной дыры».

В этом и заключается цель настоящей работы – определить отклонения в «орбите» социальной системы России и тем самым приблизиться к пониманию латентных механизмов ее трансформации. По мнению известного американского социолога Р. К. Мертон, именно они обеспечивают большой прирост социологического знания.¹² И хотя он говорил это о латентных функциях поведения человека и людей в целом, нам ничто не мешает применить такой же подход при исследовании социальной системы, которую в конечном итоге тоже составляют люди.

Пробным камнем исследования, то есть детерминирующей частью социальной действительности будет служить война. Явление это крайне сложное. Существует много теорий, нередко противоположных друг другу, которые по-разному описывают причины возникновения войн и их характеристики. Но определение войны на понятийном уровне все-таки сводится к относительно устойчивой конструкции, не лишенной, правда, некоторой вариативности. Так, по определению исследователя XIX века генерала П. А. Гейсмана, война *«есть средство, и притом крайнее средство в руках политики для достижения государственных целей»*.¹³

---

¹⁰ Гайдар Е. Т. Субъективные и объективные факторы в постсоциалистических экономических реформах. 17.04.2002., стр. 5. цит. по <http://www.gaidar.org/>; И. Чубайс. Как нам понять самих себя // Литературная газета. № 11. 21–27 марта 2007 г. Стр. 4

¹¹ Политолог Лилия Шевцова – об адаптантах и антисистемщиках // Радио «Свобода», 05.05.2011. http://www.svobodanews.ru/content/article/24092269.html?utm_source=newsru.com&utm_medium=links&utm_campaign=NewsruCom

¹² См.: Мертон Р. К. Явные и латентные функции // Американская социологическая мысль: Р. Мертон, Дж. Мид, Т. Парсонс, А. Шюц. Тексты / под общ. ред. В. И. Добренкова. – М.:Изд. МУБиУ, 1996

¹³ Гейсман П. А. Война и ее значение в жизни народа и государства. СПб: Типография А. А. Пороховщикова, 1896. – С. 8. www.rsl.ru

Сегодня, спустя сто с лишним лет, сетевой ресурс Wikipedia определяет войну как конфликт между политическими образованиями (государствами, племенами, политическими группировками и т. д.), происходящий в форме военных (боевых) действий между их вооружёнными силами, причем, «как правило, война имеет целью навязывание оппоненту своей воли». В то же время известный специалист по вопросам войны и мира из университета Ватерлоо (Канада) Брайан Оренд считает, что война имеет целью «устанавливать свои порядки на определенной территории», «управлять ею».¹⁴

Фундаментальное военно-философское издание «Война и мир в терминах и определениях» дает такое определение войны: «общественно-политическое явление, связанное с коренной сменой характера отношений между государствами и нациями и переходом противоборствующих сторон от применения ненасильственных форм и способов борьбы (разрешения противоречий) к прямому применению оружия и других насильственных средств для достижения определенных политических и экономических целей».¹⁵

Но наиболее точным, универсальным и исчерпывающим, на наш взгляд, является определение войны, которое дал классик военного искусства К. Клаузевиц, и которое так или иначе, в отдельных элементах, приводится почти во всех определениях такого сложного понятия как война: «война – это акт насилия, имеющий целью заставить противника выполнить нашу волю».¹⁶

И хотя уже в начале XX века это определение считалось «неоригинальным» (А. Е. Снесарев), сегодня оно приобретает новое и более глубокое содержание. Современная наука ищет ответы на вопросы о происхождении войны и в психологической природе человека. Так, известный военный психолог А. Г. Караяни считает, что «под войной можно понимать такой вид конфликта между субъектами политики, при котором они осознают себя участниками военного противоборства и стремятся модифицировать поведение друг друга применением или угрозой применения средств вооруженного насилия».¹⁷

С нашей точки зрения, «модифицировать поведение друг друга» или применять оружие «для достижения определенных политических и экономических целей» есть не что иное, как «заставить противника выполнить нашу волю». Просто у К. Клаузевица в одном слове точнее читается и цель, и смысл «модификации» – *заставить*. То есть вынудить противника делать то, что он не хочет или не может, силой преодолеть его желание, навязать ему свою волю.

И тогда получается, что за последние сто с лишним лет понимание социальной сути войны и ее определение в оценках исследователей не претерпело существенных изменений и сводится все-таки к одному: *заставить противника выполнить нашу волю*.

---

¹⁴ Orend B. War, Stanford Encyclopedia of Philosophy, 2005. <http://plato.stanford.edu/entries/war/>

¹⁵ Война и мир в терминах и определениях. Под общ ред. Д. О. Рогозина. М.: ПоРог, 2004. – С. 36–37. www.rsl.ru

¹⁶ Клаузевиц К. О войне. – М.: Госвоениздат, 1934. С. 1. Цит. по: <http://militera.lib.ru/science/clausewitz/index.html>

¹⁷ Караяни А. Г. Психология войны: постановка проблемы с позиции военно-психологической науки // Военно-историческая антропология. М.: РОССПЭН, 2002. С. 41. http://www.iriran.ru/files/VIA_2002.pdf

1914 год: начало современной истории России и проблемы исследования Первой мировой войны

Пройдя огромный исторический путь, Россия заплатила по военным счетам, пожалуй, самую высокую цену – хотя бы потому, что таких катастрофических потрясений, какие она пережила в первой четверти XX века, вряд ли еще кто-то переживал. Великая война, как в начале XX века называлась Первая мировая, преподнесла и великие потрясения той стране, которая сыграла «роль тарана, пробивающего самую толщу немецкой обороны».¹⁸ Смена правительств, разложение армии, потеря территории и государственного управления, разрушенная промышленность и транспорт, гиперинфляция и развал финансовой системы, всеобщая разруха – это лишь некоторые признаки военного поражения, которые остро проявились в России еще до окончания войны, величайшей жертвой которой, как отмечал английский историк Х. Сетон-Уотсон, стал русский народ.¹⁹

Вообще говоря, она дорого обошлась всем ее участникам. И если верить Большой советской энциклопедии, Первая мировая «съела» примерно 359,9 млрд долларов. Расходы России на эту войну на 1 сентября 1917 г. составили примерно 74,98 млрд долларов или 38,65 млрд руб.,²⁰ что превышало ее национальный доход в 10 с лишним раз.²¹ Война потребовала и огромных человеческих ресурсов. «В странах Антанты было мобилизовано свыше 45 млн человек, и в коалиции Центральных держав – 25 млн. Из материального производства была изъята лучшая часть мужского населения. Процент мобилизованных по отношению к трудоспособному мужскому населению был очень высоким и достигал 50, а в некоторых странах, например, во Франции, и больше. Вооруженная борьба велась не кадровыми армиями мирного времени, а многомиллионными армиями из призванных по мобилизации в ходе самой войны».²²

Для наиболее прозорливых политиков эта война не была неожиданностью, к ней давно готовились, о ней размышляли, пытаясь предугадать ход боевых действий и их последствия. Еще в конце 1880-х годов Ф. Энгельс почти в деталях предсказал, что «для Пруссии-Германии невозможна уже теперь никакая иная война, кроме всемирной войны. И это была бы всемирная война невиданного раньше размера, невиданной силы. ...Опустошение, причиненное Тридцатилетней войной, сжатое на протяжении трех-четырёх лет и распространенное на весь континент, голод, эпидемии, всеобщее одичание как войск, так и народных масс, вызванное острой нуждой, безнадежная путаница нашего искусственного механизма в торговле, промышленности и кредита; все это кончается всеобщим банкротством. Крах старых государств и их рутинной государственной мудрости – крах такой, что короны дюжинами валяются по мостовым, и не находится никого, чтобы поднимать эти короны; абсолютная невозможность предусмотреть, как это все кончится, и кто выйдет победителем из борьбы. Только один результат абсолютно несомненен: всеобщее истощение и создание условий для окончательной победы рабочего класса».²³ Вряд ли кто-либо кроме узкого круга деятелей международного рабочего движения был в то время знаком с этим жестким и реалистичным анализом, но атмосфера тревоги была характерна для конца XIX и начала XX века, когда стали складываться противостоящие военные блоки.

---

¹⁸ Дурново П. Н. Записка Дурново // Красная Новь. 1922. № 6. С. 187

¹⁹ Уткин А. И. Первая мировая война // М.: Алгоритм, 2001, С. 86

²⁰ БСЭ, т.19. М., 1975. С. 350

²¹ Уткин А. И. Первая мировая война // М.: Алгоритм, 2001, С. 19

²² История первой мировой войны 1914–1918 гг. // М.: Наука, 1975. С. 544

²³ М.-Э. Собрание сочинений, изд. 2. М. 1961. С. 361

А для большинства обычных людей такая война в значительной степени оказалась неожиданностью. Тогда считалось, что в силу возросшей мощи оружия и массовости армий война продлится от трех до двенадцати месяцев.²⁴ Однако история преподнесла неприятный сюрприз: продолжительность войны и ее размах превзошли все самые смелые ожидания. Если бы в 1913 г., писал Питирим Сорокин, кто-нибудь всерьез предсказал хотя бы малую часть того, что впоследствии произошло на самом деле, его сочли бы сумасшедшим.²⁵ Поэтому мысли о предстоящей войне, если они и были у кого-то из современников, вызывали крайне противоречивые чувства, неизвестность пугала. Как отмечал публицист В. В. Галин, «войны ждали – и ее боялись».²⁶

После поражения России в русско-японской войне и революции 1905 года считалось, что самодержавие неизбежно должно будет рухнуть в ходе новой войны. В 1909 году, например, хозяйка известного светского салона генеральша А. В. Богданович записала в дневнике: не дай бог возгорится новая война, «тогда конец монархии».²⁷ Понятно, что она исходила из общих ощущений, царивших тогда в высшем обществе, из разговоров и сплетен. Но некоторые государственные деятели исходили из достаточно точного анализа текущей политической обстановки и также приходили к неутешительным для монархии выводам.

Так, по словам П. Н. Дурново, скандально известного министра внутренних дел в правительстве С. Ю. Витте, «в случае неудачи, возможность которой, при борьбе с таким противником, как Германия, нельзя не предвидеть, – социальная революция, в самых крайних ее проявлениях, у нас неизбежна».²⁸ Таким образом, о неизбежности революции вслед за Ф. Энгельсом объявил и лидер правых в Государственной думе «черносотенец и реакционер» П. Н. Дурново, правда, с разницей в четверть века и в отношении не Германии, а России. Удивительно то, что источником революции и Энгельс, и Дурново, и даже генеральша Богданович считали еще не начавшуюся мировую войну. И все оказались правы.

Последняя цитата очень популярна у современных историков и публицистов, которые в массе своей убеждены, что она свидетельствует об особенном, провидческом даре ее автора. Нам же представляется, во-первых, что в этом смысле Дурново несколько уступает Энгельсу, а во-вторых, в своем приватном письме Николаю II, о существовании которого до революции вообще никто не знал, он сформулировал то, что было известно его наиболее прозорливым современникам, видимо, в надежде достучаться до самодержца.

Хотя в пользу не столько провидческого дара, сколько серьезных аналитических способностей Дурново говорит то, что его опасения оказались не напрасны. С первых дней мобилизации, задолго до «неудачи», многие районы страны охватил не только патриотический подъем, как принято считать сегодня, но и массовые выступления противников войны, против которых «пришлось принять крутые меры, до употребления оружия включительно». В столице «произошли столкновения с полицией, и для обеспечения порядка... пришлось даже вернуть в Петербург часть конницы из Красносельского лагеря».²⁹ По свидетельству генерала Ю. Н. Давыдова, к «винным бунтам» (с началом войны в России был введен «сухой» закон) они не имели никакого отношения.³⁰

За сто с лишним лет, прошедших с начала той войны, много написано и много сказано, но ясности в понимании проблем, которые она породила, нет до сих пор. Ее историография несет на себе печать давней политической борьбы, отголоски которой не стихают до сих пор.

---

²⁴ Свечин А. А. Стратегия. М.: Военный вестник, 1927. С.42. http://swetschin.narod.ru/books/Svechin_AA_Strategy.pdf

²⁵ Мировые войны. Научн. рук. Мальков В. Л. М.: Наука, 2002. С.13

²⁶ Галин В. В. Запретная политэкономия. Революция по-русски. М.: Алгоритм, 2006. С. 58.

²⁷ Три последних самодержца // Дневник А. В. Богданович. Ленинград: Изд. Л. Д. Френкель, 1924. С. 458. www.rsl.ru

²⁸ П. Н. Дурново. Записка Дурново // Красная Новь. 1922. № 6. С. 197. <http://www.ruthenia.ru/sovlit/jour.html>

²⁹ Давыдов Ю. Н. Россия в мировой войне // Ю. Н. Давыдов. Берлин: Слово, 1924. С. 111. www.rsl.ru

³⁰ Там же

В советский период, как писал доктор исторических наук В. Н. Виноградов, война попала в тень Октябрьской революции, и о ней стремились забыть.³¹ Былая односторонность сегодня сменилась не только разнообразием источников и плюрализмом мнений в подходах и оценках, но и волновым характером исследований, «приливы» которых совпадают с редким «полнолунием» юбилейных дат.

А призванная «всемерно содействовать распространению в российском обществе правдивой информации и новых знаний о роли нашей страны в Первой мировой войне» Российская ассоциация историков Первой мировой войны не слишком балует наше общество своими открытиями. За двадцать с лишним лет работы она издала семь научных трудов, которые, безусловно, расширили историографическую базу, но не добавили ничего к пониманию тех тектонических сдвигов, которые в начале XX века потрясли Россию.

Это тем более удивительно, что, по мнению одного из крупнейших исследователей этого периода профессора А. И. Уткина, «современная история России началась в 1914 году».³²

Как ни странно, но, несмотря на большой объем накопленных знаний («все поле поиска перепаханно на большую глубину»³³), новая историография, на наш взгляд, не выходит на уровень тех задач, которые должны встать перед научным сообществом, если согласиться с тезисом о том, что современная история России началась в 1914 году. Например, количество диссертаций, посвященных Первой мировой войне и представленных в электронном каталоге Российской государственной библиотеки составляет примерно семь названий из общего числа в 635 при поиске на слово «война». Все они носят частный характер, так как посвящены лишь отдельным сторонам Первой мировой войны, и их список можно привести здесь полностью, так как он не занимает много места:

1. Болтаевский А. А. Русские войска на Салоникском фронте в 1916–1918 гг. Москва, 2009.
2. Крайкин В. В. Первая мировая война в восприятии крестьян: по материалам Орловской губернии. Брянск, 2009.
3. Иванов А. И. Первая мировая война и русская литература 1914–1918 гг. Москва, 2005.
4. Белова И. Б. Первая мировая война и российская провинция: 1914 – февраль 1917 гг. по материалам Калужской и Орловской губерний. Калуга, 2007.
5. Михайлов В. В. Восточный вопрос и позиции Великобритании и России в Первой мировой войне. Санкт-Петербург, 2010.
6. Черниловский А. А. Первая мировая война в сознании военной элиты России. Брянск, 2005.
7. Зырянова А. В. Америко-английские отношения в годы Первой мировой войны: проблемы истории и дипломатии. Ярославль, 2004.

Справедливости ради надо сказать, что недостаток научных публикаций по этой теме компенсируется растущим числом популярных изданий, которые предлагают все новые и не всегда убедительные версии того, что представляла собой Первая мировая война и ее последствия, да и вообще история России в целом. Их отличительной чертой является отсутствие научной методологии и слишком свободное толкование исторических фактов, которые нередко в угоду рынку превращаются в «жареные».

Работы эти составляют так называемые «кентавр-идеи», которые «содержат идеализированное или умышленно искаженное представление о состоянии или возможности решать конкретные проблемы, исходя из воображаемых методов и средств, сконструированных умозри-

---

³¹ См. Виноградов, В. Н. 1914 год: быть войне или не быть? // Новая и Новейшая история. № 6. 2004

³² Уткин А. И. Забытая трагедия. Россия в первой мировой войне // Смоленск: Русич, 2000. С. 4

³³ Козенко Б. Д. Отечественная историография Первой мировой войны // Новая и новейшая история. № 3. 2001. С. 19

тельно».³⁴ Некоторые из авторов этих произведений отличаются творческой плодовитостью, их имена известны, их приглашают с лекциями в университеты и на телевидение.

Другие выступают в роли авторов исторических сериалов или в роли какого-нибудь «судьи» истории. Не проходит и дня, чтобы кто-нибудь на отечественном телевидении не рассказывал нам о тайнах истории. Но тайн не становится меньше. И хотя уже давно издана академическая работа – коллективный труд ведущих историков РАН «Мировые Войны XX века» (Наука, 2002), которую, может быть, и нельзя назвать откровением, но, тем не менее, она представляет исчерпывающую и тонко сбалансированную информацию о событиях той поры. Несмотря на это, коммерческое мифотворчество вытесняет научные знания и продолжает затуманивать сознание доверчивых граждан.

Казалось бы, мы все знаем про нашу историю, ведь она живет в каждом из нас, мы унаследовали ее от наших отцов и дедов. Но, как считал известный французский социолог, «отец-основатель» современной социологии Эмиль Дюркгейм, поскольку наибольшая часть социальных институтов передана нам предшествующими поколениями в совершенно готовом виде, и мы не принимали никакого участия в их формировании, следовательно, обращаясь к себе, мы не сможем обнаружить породившие их причины.³⁵ По его словам, нам нужно рассматривать социальные явления сами по себе, отделяя их от сознающих и представляющих их себе субъектов.³⁶ Отсюда становится понятно, почему в нашей истории, которую неутомимо препарировали профессиональные историки и историки от коммерции, исходя из собственного представления о ней, чувствуется какая-то противоречивость и недосказанность, как будто чего-то не хватает.

Например, до сих пор мы не знаем, почему колоссальная европейская трагедия 1914–1918 гг. привела к радикальному слому социальной системы России (и только России!). Каковы причины и механизмы этой трансформации, и почему еще более страшная трагедия 1941 г. ничего не изменила в ее социальной системе? Распад других империй привел «только» к смене политических режимов. А у нас – к рождению нового государства, основанного на невиданных ранее социальных, экономических и политических принципах, включавших отмену частной собственности и последующее строительство социализма (хотя и не совсем в духе К. Маркса). Попытки делались (Венгрия, Германия, Финляндия), но потерпели неудачу, несмотря на поддержку со стороны советской России.

Непонятно еще и то, что если Россия не проиграла эту войну (как считают некоторые маститые историки, готовые в интересах чистой науки признать советскую «оккупацию» Прибалтики), то как можно объяснить потерю огромных территорий, а вместе с ними и людских ресурсов, и экономического потенциала?

С популяризацией этих *вопросов* уже много лет выступают известные политологи, среди которых есть даже один академик, не устающий задавать нам один и тот же вопрос: «Почему Россия внезапно взяла и рассыпалась?».³⁷ Забавно, что вопросы задают *нам* – зрителям и читателям, а ответов не дает никто. Не ответив же на эти вопросы, мы не сможем понять, что произошло с нашей страной не только в далеком 1917 году, но и в 1939, 1945 и особенно в еще недавнем 1991 гг.

Несистемные поиски в этом направлении, а также отсутствие позитивных результатов свидетельствуют о том, что в рамках исторической науки они, скорее всего, ни к чему не приведут. И дело не только в сложности поставленной задачи. В конце концов, доказал же Григо-

³⁴ Тощенко Ж. Т. Кентавр-идеи как деформация общественного сознания // Социологические исследования. № 12. 2011. С. 4

³⁵ Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение. / Пер. с фр., составление, послесловие и примечания А. Б. Гофмана. М.: Канон, 1995. С. 9

³⁶ Там же. С. 51

³⁷ Академик Юрий Пивоваров: «Никакой загадки в русской душе нет» // Комсомольская правда. 14 апреля 2011. <http://kp.ru/daily/25669.4/829776/>

рий Перельман гипотезу Пуанкаре через 100 лет после того, как она была сформулирована. В принципе, как утверждают философы, любая задача может быть решена, если она корректно поставлена. Но корректно поставить общую задачу в истории невозможно, поскольку предмет ее изучения являются исторические факты, которые сами по себе лишь фрагменты истории, ее песчинки, ничего не говорящие о целом. Как песок, они струятся между пальцами, не оставляя никаких следов в нашем сознании. И здесь невольно вспомнишь экранизированного Обломова, который говорил: а зачем я помню, что Селивкт II в 3 г. н. э. победил какого-то Чиндригупту – бог весть.

Другими словами, как бы ни были глубоки наши знания в области истории, они ничего не добавляют к пониманию причин социальной действительности прошлого и возникновения действующих социальных институтов – ведь «мы не принимали никакого участия в их формировании».

Так, специалисты нередко начинают отсчет современной социальной системы России с Петра I, который железной рукой «прорубил окно» в Европу. Хорошо известно, что его реформы проводились с крайней жестокостью, которая была направлена на подавление прав человека в их современном понимании, на дальнейшее закрепощение крестьянства, на развитие жесткой вертикали власти (а в Европе в это время уже прошли первые буржуазно-демократические революции). Примерно то же самое можно сказать и о реформах большевиков, которые, как известно, имеют много общего с реформами Петра.

Как однажды отметил доктор исторических наук А. Н. Боханов, «если сравнить, скажем, Петра I и Ленина, то, как ни странно, в отношении к национальному творчеству, в отношении к русскому национальному наследию, в отношении к русской традиции у них достаточно много точек соприкосновения, хотя, казалось бы, это совершенно несопоставимые ни по времени, ни по характеру, ни по должности фигуры».³⁸ И, тем не менее, и в том, и в другом случае реформы были доведены до логического конца, т. е. можно утверждать, что реформы начала XVIII и начала XX века получили позитивный характер, благодаря чему государство пришло в состояние относительной социальной устойчивости.

Хорошо известным историческим фактом, которому, однако, отечественные ученые придают не слишком большое значения, является то, что и в том, и в другом случае реформы проводились в ходе войны, *и именно война стала их источником*. Но значит ли это, что Петр I был большевиком-марксистом или, наоборот, большевики явились последователями Петра, а не Карла Маркса? Эту особенность российской истории в свое время отмечал Питирим Сорокин: «при Петре и после Петра, мы дрессировались в направлении военного социализма... Наш военный социализм – плоть от плоти и кость от кости нашей предыдущей истории».³⁹ Однако найти причины этого явления, дать ему научную характеристику он не смог. Объяснить этот феномен не удается до сих пор.

Эпоха Петра I и эпоха Первой мировой войны и революции сегодня хорошо изучены, поэтому, повторимся, вряд ли какие-то вновь открытые исторические факты смогут внести ясность в разрешение этого парадокса. И понять это нетрудно, если иметь в виду, что «историк дает факту известный смысл, который зависит от его общенаучных и идейно-теоретических взглядов. Поэтому в разных системах взглядов один и тот же исторический факт получает разное толкование, разное значение. Таким образом, между историческим фактом (событием, явлением) и соответствующим ему научно-историческим фактом стоит интерпретация».⁴⁰

---

³⁸ Русский исторический сборник. Т. II. М.: Кусково поле, 2010. С. 37. <http://www.iri-ran.ru/rus-ist-sbor-02.pdf>

³⁹ Сорокин П. А. Горькая жатва Марса // Новое время. № 49. 1990. С. 43

⁴⁰ История России с древнейших времен до второй половины XIX века // Курс лекций. Ч. 1. Под ред. академика Личмана В. В. Екатеринбург: Уральский государственный технический университет, 1995. С.4.

Короче говоря, если мы правильно понимаем академика Б. В. Личмана, сколько историков, столько и толкований исторических фактов или интерпретаций. Кажется, дай волю историкам, и от истории ничего кроме интерпретаций не останется (наиболее отчетливо этот процесс можно наблюдать на Украине). Это особенно ясно начинаешь понимать, когда следишь за острейшими и бесплодными историческими дебатами, которые проходят не только на отечественном телевидении и в СМИ, но и в академической среде. Однако значение этих дебатов выходит далеко за рамки чистой теории. Ведь нерешенные вопросы истории и национальной идентификации почти сразу после распада СССР стали предметом острой идеологической и политической борьбы, инструментом межгосударственного противостояния в борьбе за шкурные интересы участников некогда единого экономического, правового, политического и социального пространства.

В этой среде активными интерпретаторами истории выступают лидеры (элита) новых государственных образований, которые до 1991 года не значились ни на одной карте мира. В таких условиях только интерпретацией при исследовании российской истории уже не обойтись. Здесь нужен новый взгляд, новая методика, которая сможет подняться над несметным количеством исторических фактов и их вольным толкованием, систематизировать их в рамках единой и устойчивой (фундаментальной) теории, свободной от идеологической и политической борьбы. А это под силу только социологии.

В нашем исследовании она станет тем инструментом, своеобразным скальпелем, с помощью которого придется делать глубокие экскурсы в историю, политологию, экономику, военное искусство и правоведение – иначе умом Россию не понять.

Глава II

Поиск социальных фактов как источников особого пути России

Социология, социологи и немыслящая Россия

В отличие от истории, социология имеет дело не столько с фактами, сколько с социальными отношениями, с системой социальных связей, с социальной действительностью, т. е. с предметом более устойчивым, но менее очевидным, чем исторический факт. Как считает крупнейший социолог современности Энтони Гидденс, «задача социологии состоит не только в сборе фактов, какими бы интересными и важными они ни были. Мы хотим также знать, почему эти события случаются, и для этого мы должны научиться ставить теоретические вопросы. Они помогут нам правильно интерпретировать факты при поиске причин процессов, находящихся в фокусе конкретного исследования».⁴¹

Легко сказать – научиться ставить теоретические вопросы! Не так-то это просто, в противном случае мы уже давно получили бы ответы на все, что нас интересует в социологии, в истории и вообще в нашей жизни. Проблема хорошо известна и заключается в том, чтобы понять, *как* ставить вопросы, и *что* мы хотим познать. Другими словами, это вопрос о средствах познания, о методе и о предмете познания.

Со времен Огюста Конта, французского философа, который в 1842 году в «Курсе позитивной философии» обосновал необходимость создания новой науки об обществе – социологии, ведется нескончаемый и все более углубляющийся поиск истоков организации человеческого общества, организации социальных отношений. Но мечта Конта о том, чтобы превратить социологию в «позитивную» науку, такую же точную, как математика или механика, до сих пор остается нереализованной. Больше того, научный поиск с самого начала разделился на несколько направлений, основные методологические инструменты которых существенно отличаются друг от друга и оставляют мало шансов на разработку единого подхода при определении источников социальной организации общества.

В свое время даже классики социологии долго не могли определить ее предмет. «Сложность в определении предмета социологии была связана с тем, что исследователи пытались искусственно свести все многообразие проявлений социального к чему-то одному, что в принципе невозможно, – считает А. Ю. Завалишин. – В конце концов, пришлось признать, что говорить о том или ином предмете этой науки бессмысленно. В процессе общественного развития постоянно возникают новые социальные связи и отношения, которые расширяют перечень явлений, относимых к ее предмету.

Именно поэтому уже в 1-й половине XX века заговорили о *предметной области социологии*, включающей в себя *все многообразие социальных связей, отношений, явлений и процессов*, происходящих в обществе. Исходя из такого понимания, можно дать определение самой социологии. В наиболее общем виде она представляет собой *систематическое изучение индивидов в составе групп и социальных образований*».⁴²

Но систематическим изучением индивидов в составе групп и социальных образований у нас давно занимается академическая наука. И если у нас до сих пор нет ответов на интересующие нас вопросы, то можно предположить, что или средства не хороши, или не то ищем, а

---

⁴¹ Гидденс Э. Социология. М.: Эдиториал УРСС, 2005. С. 31

⁴² Завалишин А. Ю. Социология. Цит. По: <http://cde.ael.ru/electronik/sociologia/>

может быть и то, и другое вместе. Прискорбно то, что наука хотя и занимается «систематическим изучением», но она же устанавливает и пределы научного поиска, потому что работает она по тем направлениям, которые востребованы и оплачиваются властью или хотя бы коммерческими структурами – живем ведь в условиях рынка. Интересы общества в целом остаются без внимания.

Так, руководитель Центра теоретических и историко-социологических исследований Института социологии РАН профессор В. А. Ядов еще в 2010 году на Ежегодной конференции «Социальные реалии современной России» выступил с докладом «Какие теоретические подходы *полезны* (выделено В. М.) для понимания и объяснения социальных реалий российского общества и России?», тезисы которого были опубликованы на сайте Института. К наиболее перспективным и полезным для России направлениям он отнес «гнездо активистских теорий».

Их суть в том, что историю творят социальные агенты, обладающие значительными ресурсами. Отсюда вывод: отслеживать «ресурсность социальных групп, регионов России, гражданских движений, представителей элиты».⁴³ Все вроде бы правильно, к тому же, на Западе это направление хорошо разработано – зачем же изобретать велосипед. Но как же быть с «особенной статью» России? Ведь давно все согласились с тем, что мы ««другая» Европа» (В. Г. Федотова), мы не «волчек», мы – «пирамида». Тогда почему ведущий социолог страны поставил перед отечественными учеными задачу отслеживать следствия, а не познавать причины?

Если оставить в стороне поэзию и социологию, то даже на бытовом уровне всем известно, что мы не такие как «они». У нас нет такой свободы как на Западе, у нас велика доля теневого рынка и криминала, плохо изживается монополизм, коррупция распространена повсеместно, трудовые отношения вопреки Трудовому кодексу нередко носят принудительный характер. Как бы в продолжение советского периода, когда зарплату, правда, платило государство, а люди всю жизнь работали на одном предприятии, трудовые отношения сегодня откатываются еще дальше в прошлое, приобретая не только худшие черты советского консерватизма, но и некоторые черты крепостного права, которое отменили 150 лет назад.

Не имея желания, а во многих случаях и способности развивать собственное предприятие за счет внедрения современных методов управления, российские предприниматели, или, как модно их сейчас называть, «элита развития» (М. Н. Афанасьев), нередко делают это за счет работников. Не случайно даже такой известный предприниматель как Константин Бакшт утверждает, что в России самый опасный для бизнеса человек – это его владелец («Как загубить собственный бизнес»). При этом Россия является единственной из развитых стран, где основную массу бедных составляют *работающие* люди.⁴⁴ Возможно, в этом же кроется проблема самой низкой производительности труда по данным Европейской организации экономического сотрудничества и развития (OECD).

Парадоксально, но факт: новое время породило и новую деспотию, деспотию в условиях демократии. Только деспот уже не государство, как раньше, а хозяин. Не тот эффективный хозяин, о котором мечтала вся либеральная общественность Советского Союза, с завистью поглядывая на Америку, а наш доморощенный хозяйчик, насквозь пропитанный блатной культурой, стремящийся уйти «в тень» при каждом удобном для него случае.

Даже вице-премьер О. Ю. Голодец призналась как-то, что наш рынок труда «практически нелегитимизирован. В секторах, которые нам видны и понятны, занято всего 48 млн человек. Все остальные – непонятно, где заняты, чем заняты, как заняты».⁴⁵ Другими словами,

---

⁴³ Ядов В. А. Какие теоретические подходы полезны для понимания и объяснения социальных реалий российского общества и России? http://www.isras.ru/files/File/konferenc-28-04-2010/Doclad_Ezhegod_konf_2010_Yadov.pdf

⁴⁴ Институт социологии Российской академии наук. <http://www.sociology-institute.ru>

⁴⁵ Вице-премьер Голодец: 40 миллионов россиян «создают проблемы для общества» // Рамблер. Новости. 3 апреля 2013. <http://news.rambler.ru/18409987/>

зона частного и ничем не прикрытого деспотизма охватывает почти половину трудоспособного населения страны. Эта зона одновременно показывает и размеры теневой экономики: не в экономическом смысле, конечно, – 16 % ВВП,⁴⁶ как считается официально, а чисто в физическом, подушно, «по понятиям». Отсюда становятся понятны и масштабы бедствия, причины хронического дефицита пенсионного фонда, низкой производительности труда, всеобщей кредитной задолженности и невозможности сменить место работы так, чтобы уйти от бедности, в которой прожили жизнь и многие поколения наших предков.

Все это как-то невольно выстраивается в определенную иерархическую систему, в ту самую пирамиду, которая, по мнению российского социолога Людмилы Романенко, является альтернативой обществу западного типа.⁴⁷ И, конечно, на ум сразу же приходит гениальное, но непопулярное сегодня высказывание Г. Спенсера о военном обществе, где «все – рабы по отношению к тем, кто выше, и все деспоты по отношению к тем, кто стоит ниже». Судя по исторической устойчивости нашей социальной системы, наличие в обществе (военном по своей сути) той или иной формы собственности практически ничего не меняет. Меняется только вектор распределения благ.

При социализме накопление шло в государственные фонды, а сейчас в карманы топ-менеджеров, бюрократов и «элиты развития» с криминальным прошлым, т. е. ограниченного круга лиц, чей баснословный и необоснованно растущий доход благотворно влияет на средние показатели беднеющей страны и пагубно – на моральное состояние общества в целом. Не случайно Global Wealth Report вывел Россию в 2012 г. на первое место в мире по показателям имущественного неравенства.⁴⁸ В условиях кризиса это неравенство только нарастает – бедные беднеют, а богатые богатеют.

Тут невольно начинаешь думать: а может быть, это и есть отклонение в орбите социальной системы России, тот самый неписанный закон, по которому мы живем, притворяясь, что его нет? Тогда, по логике вещей, это именно то, что отличает нас от «них», наша особенность.

Но официальная наука несколько иначе смотрит на эту проблему. Из тезисов В. А. Ядова: *«Я считаю, что «особый путь» России может быть особым лишь в смысле определения своего уникального положения в экономическом пространстве на рынке природных ресурсов. В пространстве мировой политики настоящее и будущее страны испытывает влияние множества принципиально непредсказуемых воздействий, хотя общий вектор движения в будущее определен со времен Петра Первого»* (выделено В. М.).

В этом фактически директивном послании, предназначенном для отечественных социологов, нетрудно заметить очевидное противоречие. С одной стороны, уникальность России определяется исключительно природными ресурсами, что имеет отношение скорее к экономике, чем к социологии. А с другой, мы объявляемся наследниками Петра, того самого, который, по словам П. Сорокина, стал родоначальником «военного социализма» или, по современному, мобилизационной модернизации. «Не будь на нашей истории этой проклятой печати милитаризма – мы не только не отстали бы от Запада, а, быть может, уже опередили его»,⁴⁹ – с горечью констатировал в свое время Питирим Сорокин. А по Ядову получается, что, прокладывая «вектор движения в будущее» от Петра, мы рискуем вернуться на новом, конечно, уровне к его «военному социализму» (по Сорокину) и окончательно заостенеть в своем отставании от Запада.

Понятно, что последний не замедлит этим воспользоваться. И можно не сомневаться, что нездоровый интерес Запада к нам не случаен. Как утверждает известный экономист Марат

---

⁴⁶ Теневая экономика // Википедия. http://ru.wikipedia.org/wiki/Теневая_экономика

⁴⁷ См. Романенко Л. М. Средний класс России: фактор конфликтного или консенсусного развития?

⁴⁸ Россия установила рекорд по неравенству доходов населения // Newsru.com. 12 октября 2012 г. <http://www.newsru.com/finance/12oct2012/profit.html>

⁴⁹ Сорокин, П. А. Общедоступный учебник социологии. М.: Наука, 1994. С. 425

Мусин, на территории нашей страны размещены 25 % мировых природных богатств, а проживает всего 2 % мирового населения.⁵⁰ Между тем, официальная наука размышляет о «непредсказуемых воздействиях» и считает, что ее социальная функция заключается только в том, чтобы «хотя бы ориентировочно предсказать, что нас ждет впереди» (см. тезисы В. А. Ядова).

Справедливости ради надо сказать, что и сам Владимир Александрович Ядов не раз говорил о том, что российское общество принадлежит иной цивилизации, отличной от западноевропейской. Однако наши социологи почти тридцать лет блуждают в потемках, видимо, потому что «теоретическая деятельность у нас в социологии есть, а теоретической социологии нет».⁵¹ Тогда, конечно, можно изучать и следствия, а не познавать причины.

Как утверждала академик В. Г. Федотова, *«бывают ситуации, когда устаревшим теориям противостоит здравый смысл. Но сегодня ситуация представляется противоположной: многообразие представлений и кризис здравого смысла в условиях быстрых изменений не выступают основой преобразований и требуют новых теорий для улучшения ситуации»*. В России сегодня это слабое место. Социолог Н. С. Розов метко поставил диагноз заголовком своей статьи: «(Не) мыслящая Россия: антитеоретический консенсус как фактор интеллектуальной стагнации»... Для решения ряда проблем страна нуждается в современных теориях и должна признать опасность ориентации только на здравый смысл. *Взаимоотношение теории и практики становится ключевым пунктом изменения социальных теорий и реализуется в различных направлениях исследования»*.⁵²

После такого откровения крупного ученого, фактически признавшего фиаско научной мысли в России, почему-то хочется что-то сделать, чем-то помочь *«исследованию»* и вообще российским исследователям, давно пребывающим в интеллектуальной стагнации – ведь хуже уже не будет! Не случайно главный научный сотрудник Института социологии Ю. Л. Качанов как-то заметил, что социальная теория – слишком серьезная вещь для того, чтобы можно было доверить ее нашим социологам, в активе которых лишь «учебники, обзоры «передового зарубежного опыта», изыскания из истории дисциплины, извлечения из иноязычных текстов».⁵³

Кстати, не жаловал карьерных социологов и Александр Зиновьев, опальный советский ученый, пожалуй, единственный, кто получил официальное признание на Западе. Одним из серьезных препятствий на пути научного познания социальных объектов он считал гигантскую армию людей, профессионально занятых в науке. По его мнению, надо различать науку как сферу жизнедеятельности множества людей, добывающих себе жизненные блага и добивающихся жизненного успеха (известности, степеней, званий, наград) за счет профессионального изучения социальных объектов, и научный подход к этим объектам.⁵⁴

И что же нам грешным остается, жизнь проходит, а ответов как не было, так и нет?

Пожалуй, только и остается, как, воспользовавшись отсутствием обязательств перед армией людей, профессионально занятых в науке, попытаться внести свой скромный вклад в развитие теоретической социологии, а может быть, и здравого смысла. Не зря же Александр Александрович Зиновьев говорил, что научный подход есть особый способ мышления и познания реальности, качественно отличный от обывательского и идеологического. Он не вводит запретов «на выработку и применение его и для людей, не имеющих степеней и званий и не зарабатывающих на жизнь путем сочинения научных статей и книг».⁵⁵

⁵⁰ После развала СССР в России наворовали на 10 федеральных бюджетов, подсчитал профессор МГУ // Newsru.com, 24 ноября 2011 г. <http://www.newsru.ru/russia/24nov2011/corrupt.html>

⁵¹ Филиппов А. Ф. О понятии «теоретическая социология» // Социологический журнал. 1997. № 1. С. 5

⁵² Федотова В. Г. Новые идеи в социальной теории // Социологические исследования. № 11. 2011. С. 14–15

⁵³ Качанов Ю. Л. Математическая социология: факультет ненужных вещей // Дискуссия о социологии. Ноябрь 2011. http://www.ssa-rss.ru/index.php?page_id=19&id=416

⁵⁴ Зиновьев А. А. На пути к сверхобществу // М.: ЗАО Изд-во Центрполиграф, 2000. С. 5

⁵⁵ Там же. С. 9

Однако, не желая вслед за отечественными академиками завести рассуждения об особенностях социального развития страны в тупик и стремясь разорвать порочный круг «самоисполняющихся пророчеств», как говорил Р. К. Мертон, предлагаем уйти от набивших оскомину рассуждений о модернизации и демократии.

Нам нужно делать выводы, писал в свое время другой американский социолог С. А. Арджоманд, и противиться соблазну поспешной замены отвергнутых теорий какой-либо иной общей и мнимо универсалистской теорией, будь то постмодернизм, глобализация или любой иной лозунг, выхватывающий одну очевидную черту нашего времени.⁵⁶

---

⁵⁶ http://www.i-u.ru/biblio/archive/arjomand_okluchprobl/#top

Определение предмета и выбор социологического метода

Исходя из этого, мы начнем практически с самого начала и вернемся к тому рациональному, что было создано предшественниками, классиками социологии. Из сказанного, думаю, каждому, даже тому, кто не знаком с успехами отечественной социологии, стало понятно, что социологический дискурс сегодня, как и сто лет назад, по-прежнему полон противоречий – несмотря на то, что за это время сделано было немало. Но накопленный огромный пласт знаний так же, как и в исторической науке, разбросан среди многочисленных социологических школ, которые по-разному смотрят не только на средства познания, но и на сам предмет социологии – на общество, по-разному оценивают социальную действительность. Как отмечал профессор А. Б. Гофман, вся совокупность социологических знаний, полученных к настоящему времени, существует в виде бесчисленного множества глобальных теоретических систем отдельных учебных, научных школ и направлений.⁵⁷

И если классические школы в своем поиске позитивизма стремились найти опору в объективных законах бытия (например, марксизм), то современная социология с легкой руки Энтони Гидденса приобрела своеобразные нежесткие формы. Теперь «признается влияние на итог научного знания метода, теории и, кроме того, активной позиции самого исследователя, его нравственной установки, его рассудочности».⁵⁸ Это значит, что метод во многом становится инструментом собственной разработки автора, он помогает исследователю придерживаться определенных правил, несоблюдение которых ведет к искажению исследуемого предмета. Совсем без него обойтись нельзя, потому что, несмотря на нежесткие формы современной социологии, методология в ней выполняет «примерно такую же роль, как грамматика в языке, культовое действие в религии или процессуальный кодекс в доказывании вины. Если не соблюдены методологические нормы научного исследования, вывод не может считаться дисциплинарно корректным. Социолог не имеет права сказать: «Я так вижу». Он обязан аргументировать свою идею».⁵⁹

Приняв это во внимание, изучив богатое наследие классиков и последние достижения социологии, автор остановил свое внимание на творчестве французского социолога Эмиля Дюргейма, который уже упоминался выше. Его в меру объективистский структурно-функциональный подход отличается простым и понятным языком, убедительной логикой. В то же время необычный даже по сегодняшним меркам предмет исследования в виде социальных фактов, которые рассматриваются как вещи, существующие вне индивида, вызывает серьезный скептицизм у многих наших ученых, стремящихся перейти от структурно-функционального подхода к «гнезду активистских теорий».

По нашему мнению, такой скептицизм говорит скорее о спорности или непроработанности каких-то положений этого метода, чем о его бесперспективности в современных условиях. И именно об этом заявили некоторые участники на той же конференции «Социальные реалии современной России», видимо, на всякий случай поддержавшие патриарха отечественной социологии в вопросе о переходе к активистским теориям. По их мнению, «структурно-функциональный подход еще далеко не исчерпал своего потенциала и вполне может быть методологическим базисом и для современных исследований».⁶⁰

---

⁵⁷ Гофман А. Б. Лекции по социологии. М.: 1997. Лекция первая, 6. Парадигмы в истории социологии. <http://www.sbiblio.com/>

⁵⁸ Гидденс Э. Социология М.: Эдиториал УРСС, 2005. С. 15

⁵⁹ Батыгин Г. С. <http://www.i-u.ru/biblio/archive/batigin>

⁶⁰ См. материалы конференции на <http://www.isras.ru/files/File/konferenc-28-04-2010/>

А это как раз то, к чему сегодня стремится социологическая мысль мира – интегрировать все то, что было накоплено до сих пор, с тем, чтобы решить ряд фундаментальных проблем социологии. Поэтому, следуя первому правилу Дюркгейма, сформулированному им в работе «Метод социологии»,⁶¹ мы сначала определим тот предмет, который собираемся изучить в ходе дальнейшего исследования.

Вопреки многочисленным подходам, рассматривающим в качестве предмета социологии «социальные взаимодействия между людьми, а также закономерности, возникающие в ходе этих взаимодействий»,⁶² нам представляется, что предметом и одновременно источником всяких социальных взаимодействий являются все-таки люди, ведь взаимодействия между людьми – лишь следствие существования самих людей. И даже социальный факт, которым, по Дюркгейму, «является всякий способ действий, устоявшийся или нет, способный оказывать на индивида внешнее принуждение»,⁶³ не дает исчерпывающего представления о предмете нашего исследования. Поясняя свою мысль, Дюркгейм отмечал: для того, чтобы существовал социальный факт, нужно, чтобы по крайней мере несколько индивидов соединили свои действия, и чтобы эта комбинация породила какой-то новый результат.⁶⁴

Но что может быть проще в этом смысле, чем рождение человека? Несколько человек (мать и отец) путем внешнего принуждения (ребенка же не спрашивают) дают жизнь новому человеку, соединяют свои действия с действиями ближайших родственников (первичная социальная группа) для того, чтобы вырастить и воспитать нового человека. Чем это не новый результат? Чем это не социальный факт?

Исходя из этого, допускаем, что в социологическом смысле первичны именно люди: нет людей – нет и социального взаимодействия, нет и социального факта. Если продолжить логическую цепочку, то речь идет не просто о людях или группах людей, речь идет о конкретном, отдельно взятом человеке. Ведь без него не будет и людей. Из этого вытекает, что в основе всякого социального взаимодействия должен стоять отдельно взятый человек, индивид. Э. Дюркгейм говорил, что от индивида исходят идеи и потребности, определившие формирование общества, а если от него все идет, то им непременно все должно и объясняться.⁶⁵ Поэтому было бы логично представить его в качестве предмета социологического исследования. Но...

«Определяя сущностные черты человека, его неизбежно сравнивают с животными, пытаясь таким путем выявить в нем подлинно человеческое».⁶⁶ Или социальное. То есть то, чем человек отличается от животного. О проблемах социальности человека за многие века исписаны горы бумаги, деревянных дощечек и пергамента. Но, как утверждает известный философ В. В. Парцвания, «несмотря на то, что на протяжении всей истории становления социальной сути (социализации, процесса очеловечивания) гениальные умы человечества вплотную занимались и занимаются (в науке, искусстве и литературе) проблемой «человека», они до сих пор не сумели дать исчерпывающего научного толкования основных качественных составляющих векторов сущности социальности, причинно-следственного взаимоперехода и взаимоподтверждения (сущности человека)».⁶⁷

---

⁶¹ Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение. Пер. с фр., составление, послесловие и примечания А. Б. Гофмана. М.: Канон, 1995

⁶² Объект и предмет социологии // Социология. Курс лекций. <http://socnauka.ru/?p=12>

⁶³ Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение. Пер. с фр., составление, послесловие и примечания А. Б. Гофмана. М.: Канон, 1995. С. 38

⁶⁴ Там же. С. 19

⁶⁵ Там же. С. 113

⁶⁶ Человек и общество. Обществознание. Учеб. для учащихся 10–11 кл. общеобразоват. учреждений./ Л. Н. Боголюбов, Л. Ф. Иванова, А. Ю. Лазебникова и др. Под ред. Л. Н. Боголюбова, А. Ю. Лазебниковой. М.: Просвещение, 2002. С. 16

⁶⁷ Парцвания, В. В. Генеалогия отчуждения: от человека абстрактного к человеку конкретному. СПб.: Университетская книга, 2003. С. 9

Не нужно быть большим специалистом в этой области, чтобы убедиться в справедливости данной цитаты, достаточно посмотреть философские и социологические словари, энциклопедии, работы классиков и современных исследователей – каждое издание дает собственное и довольно сложное толкование социальности.

К счастью, на бескрайних просторах социологии иногда встречаются достаточно простые и понятные определения. Так, в свое время журнал «Здравый смысл», орган Российского гуманистического общества, писал, что в самом общем виде социальность – «это предрасположенность и способность индивидов к совместному существованию, обусловленная невозможностью выживать во внешнем мире поодиночке».⁶⁸ С этим определением наш здравый смысл мог бы и согласиться. Но вот, например, Энтони Гидденс увидел социальность в избирательности первых реакций ребенка на раздражители и поэтому считает, что «реакции ребенка носят социальный характер».⁶⁹

Честно говоря, можно подумать, что социальный характер падает на новорожденного откуда-то сверху (еще немного, и мы поверим в бога), но при чем здесь наука? Давным-давно установлено, что человек – часть животного мира, вид рода люди (homo) из семейства гоминид в отряде приматов.⁷⁰ Абсолютно все новорожденные животных, будь то птицы или млекопитающие, сразу после появления на свет заявляют о себе громким криком и бурными реакциями на внешние раздражители, узнают и радуются своим родителям. Однако, людьми, грубо говоря, они не становятся.

По нашему мнению, и это очевидно, в данном случае речь должна идти о врожденных рефлексах и инстинкте,⁷¹ а не о социальности. Реакции новорожденного ребенка не могут носить социальный характер – это всего лишь инстинкты; только улыбка не числится в списке мимических способностей животных. Другое дело, что буквально с первых секунд своего рождения ребенок становится объектом социальных отношений, и только по мере взросления и социализации он превращается в субъект этих отношений.

С самых первых мгновений своей жизни новорожденный испытывает нужды и потребности, которые, в свою очередь, влияют на поведение тех, кто должен о нем заботиться,⁷² говорит тот же Э. Гидденс. Это правда, но это лишь подтверждает тот факт, что ребенок становится объектом (и только!) социальных отношений. Больше того, о нем начинают заботиться задолго до его рождения, когда он находится в утробе и не может самостоятельно дышать и питаться, о нем заботятся даже тогда, когда новорожденный какое-то время не проявляет признаков жизни, например, при асфиксии.

Социальный статус еще не родившегося человека подтверждает, например, Гражданский кодекс Российской Федерации. Статья 1116 п.1. гласит: «К наследованию могут призываться граждане, находящиеся в живых в день открытия наследства, а также зачатые при жизни наследодателя и родившиеся живыми после открытия наследства».

Получается, что человек приобретает социальность еще до своего рождения. Сначала лишь в виде пассивного и даже неодушевленного объекта, поскольку факт его существования, хотя бы и в виде эмбриона, влияет на поведение тех, кто оберегает его жизнь и его права в утробе, кто должен спасать его жизнь при родах и заботиться о ней потом. При этом очевидно,

---

⁶⁸ <http://atheismru.narod.ru/humanism/journal/31/kruglov.htm>

⁶⁹ Гидденс, Э. Социология. М.: Эдиториал УРСС, 2005. С. 71

⁷⁰ Человек разумный // Википедия. http://ru.wikipedia.org/wiki/Человек_разумный

⁷¹ Инстинкт – совокупность врождённых тенденций и стремлений, играющих мотивационную роль в формировании поведения. В узком смысле, совокупность сложных наследственно обусловленных актов поведения, характерных для особей данного вида при определённых условиях. Инстинкты составляют основу поведения животных. У высших животных инстинкты подвергаются модификации под влиянием индивидуального опыта. <http://ru.wikipedia.org/wiki/Инстинкт>

⁷² Гидденс Э. Социология. М.: Эдиториал УРСС, 2005. С. 68

что основу такой социальности составляют рефлексы и инстинкты других людей – матери прежде всего.

Из этого следует, что социальность человека не является его неотъемлемым атрибутом, это, скорее, атрибут социума, гравитационное поле социальной среды. Попади ребенок в другую, социально менее развитую среду (и Э. Гидденс приводит примеры несоциализированных детей, своеобразных Маугли), и он уже никогда не станет полноценным человеком, полноценным социальным субъектом. Из этого следует, что социальность человека культивируется его ближайшим окружением, не только семьей, но и, как пишет Э. Гидденс, всеми социальными структурами и социальными контекстами, «в рамках которых совершаются процессы социализации»,⁷³ т. е. в целом внешней средой.

Внешний характер социальности человека подтверждает и смерть (как это ни странно), ведь место захоронения всегда охранялось и охраняется традицией. Кладбище – это место поклонения несуществующему человеку, поклонения его памяти. В современном мире оно охраняется еще и законом так же, как и наследственное право, о котором говорилось выше – человека нет, а его право есть! Если взять крайний случай, содержащийся в ст. 1116 ГК РФ, то получается, что право одного уже несуществующего человека передается другому, еще несуществующему. А кто же хранит это право, кто передает его от одного к другому? Ответ лежит на поверхности – общество, социум.

Следовательно, человек социален не только от рождения и до смерти, но и до рождения, и после смерти. И единственно возможное объяснение этого феномена, над которым ломают голову лучшие ученые мира, заключается в том, что именно общество создает и защищает права биологически несуществующего человека, обеспечивая тем самым его социальность.

И здесь уже трудно согласиться с Э. Гидденсом, который фактически ставит знак равенства между социальной и биологической жизнью человека – «стадии жизненного пути человека по своей природе являются социальными в той же мере, что и биологическими».⁷⁴ Это положение, конечно, в целом отражает естественный ход событий, однако если социальность человека формируется социальными структурами и социальными контекстами, то это значит, что его социальность, во-первых, не врожденное и не неотъемлемое свойство человека, и во-вторых, стадии жизненного пути не являются социальными от природы, потому что формируются внешней средой. Скорее, нужно говорить о том, что социальность – это гравитационное поле человеческого общества, его продукт, результат развития общественных отношений, который не всегда и не во всем совпадает с биологическим существованием человека. Тот факт, что по длительности социальная жизнь может не только не совпадать с биологической жизнью, но и намного превосходить ее, – лишнее тому подтверждение.

Достаточно вспомнить баталии вокруг мавзолея Ленина. Вопреки мощному давлению либеральной общественности, которая пыталась заставить правительство захоронить тело «вождя мирового пролетариата», его социальная жизнь никак от этого не страдает, потому что идеи высшей справедливости, олицетворением которых он был в свое время, и сегодня находят многочисленных почитателей среди, естественно, живых людей. Не случайно, американский социолог Иммануил Валлерстайн как-то предположил, что если в России ничего не изменится, то к 2050 г. Ленин снова станет ее национальным героем.⁷⁵

Кроме того, понятно также, что социальность человека как продукт общества и общественных отношений является величиной переменной, потому что в какие-то периоды жизни человек выступает как объект (эмбрион, младенчество и старость), а в какие-то – как субъект социальных отношений, как актер. Если бы социальность была присуща человеку как неотъ-

---

⁷³ Там же. С. 82

⁷⁴ Там же. С. 88

⁷⁵ Валлерстайн И. Ленин и ленинизм сегодня и послезавтра // «Эксперт». № 1 (735). 27 дек 2010

емлемая часть, как рука или нога, например, тогда она была бы величиной постоянной, и человек всегда был бы социальным актором: допустить подобное – значит попроситься со здравым смыслом. Но что именно связывает человека с социальной средой, может быть, жизнь, биологическое существование?

Вряд ли нужно говорить, что все живые существа обладают жизнью, некоторые из них даже имеют достаточно развитую социальную организацию (муравьи, птицы, некоторые виды диких кошек, высшие приматы и т. д.). Однако давно известно, что в основе всякой биологической социальности лежит инстинкт, а мыслительные процессы животных носят примитивный характер. В этой среде, конечно, жизнь является основой биологической социальности. Социальность же человека имеет принципиально иной характер. И в тех случаях, когда социум, как мы только что выяснили, наделяет человека социальностью, создается впечатление, что он делает это с помощью какого-то тонкого механизма, какого-то атрибута социальности, функционально похожего на паспорт, который и дает человеку право на жизнь в обществе.

Паспорт – это уж слишком, скорее всего, возмутится карьерный социолог. Нам же кажется, что в условиях, когда официальная наука бродит в потемках, все глубже зарываясь в нагромождение бессмысленных деталей и казуистику непроизносимых терминов, только дилетанты и способны выдать на-гора нечто необычное, пусть даже парадоксальное. Важно, чтобы это необычное было поставлено в рамки определенной методики, с помощью которой можно было бы проверить справедливость гипотезы. Поэтому если паспорт, может, и слишком, то с правом на жизнь не поспоришь.

Ромулу и Рему, легендарным основателям Рима, например, было отказано именно в праве на жизнь. Их же не убили! Просто положили в корзину и пустили в Тибр. Со школьных лет известно, что бедных деток, корзину с которыми по счастью прибило к берегу, выкормила волчица. Получилось так, что люди отказали младенцам в праве на жизнь, а волчица им это право предоставила. Могут возразить, что это всего лишь легенда, уж мы-то знаем, что волчица не может дать такого права.

Волчица не может, а люди?

Если стоять на естественнонаучных позициях, тогда только люди и могут дать такое право (ст. 1116 ГК РФ – лишнее тому подтверждение). Но могут и забрать! Так, в истории России был император, который взошел на трон в возрасте трех месяцев. Свергли его с престола в возрасте одного года и четырех месяцев. В четыре года он попал в заточение со строгой изоляцией. Фактически он был лишен именно права на жизнь, а не самой жизни, точно так же, как Ромул и Рем, с той только разницей, что посадили его не в корзину. Всего он прожил 24 года и был лишен этого права в тот момент, когда группа заговорщиков попыталась его освободить. В соответствии с секретной инструкцией двух императриц и одного императора – «живого его никому в руки не отдавать»,⁷⁶ он был лишен права на жизнь вместе с самой жизнью. Звали его Иоанн Антонович. И это уже не легенда, это исторический факт.

История России и вообще мировая история знает немало таких случаев, тут невольно вспомнишь о знаменитом романе Александра Дюма старшего. Тут вспомнишь и Эмиля Дюркгейма. Если право на жизнь можно дать и можно забрать, значит, это вещь, впрочем, такая же, как и сама жизнь. Ее нельзя потрогать или понюхать, но без этой вещи нет жизни в социуме, нет социальной жизни, нет социальности. «Рассматривать факты определенного порядка как вещи – не значит зачислять их в ту или иную категорию реальности; это значит занимать по отношению к ним определенную мыслительную позицию. Это значит приступать к их изучению, исходя из принципа, что мы ничего не знаем о том, что они собой представляют»,⁷⁷ – писал Э. Дюркгейм в предисловии ко второму изданию своего «Метода социологии».

---

⁷⁶ Иоанн Антонович // Древо. Открытая православная энциклопедия. <http://drevo-info.ru/articles/14365.html>

⁷⁷ Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение. Пер. с фр., составление, послесловие и примечания А.

Исходя из этого, занимаем совершенно определенную мыслительную позицию и утверждаем: то, что принципиально отличает социальную организацию человека от социальной организации других животных, называется *правом на жизнь*, которое рождается раньше, чем сама жизнь и прекращается не всегда в момент смерти, потому что это право принадлежит не индивиду, а социуму.

Источником жизни является мать будущего ребенка, что естественно. Но на каком-то этапе истории биологическая функция превратилась в право, поскольку мать получила возможность распоряжаться ею (аборты практиковались с древнейших времен). У животных такого права нет, и это именно то, что (кроме разума и прямохождения, конечно) отличает человека от животного. Данное понятие является исключительно социологическим, и оно, безусловно, идет вразрез с тем, что давно принято считать правом на жизнь в юриспруденции (ст. 1116 ГК РФ – исключение) и просто в обиходе.

В обычном, юридическом понимании «право на жизнь – основное, неотъемлемое (принадлежащее от рождения) и неотчуждаемое право, гарантирующее и защищающее одну из основополагающих ценностей личности и общества – человеческую жизнь, недопустимость ее произвольного лишения. П. на ж. – это личное, абсолютное, естественное и неотчуждаемое право каждого человека», – гласит энциклопедический словарь «Конституционное право России».⁷⁸ В нашем же понимании *право на жизнь – это своеобразный кварк социальности человека, обладающий определенным социальным зарядом, который нельзя наблюдать в свободном, не связанном с человеком состоянии.*

Сегодня, в условиях действия «Конвенции о защите прав человека и основных свобод», которая была подписана европейскими государствами в 1950 г. (Россия присоединилась к ней в 1998 г.), вопрос о праве на жизнь в комментариях к ней толкуется однозначно: «Ограничения, предусмотренные как вторым предложением п.1., так и п.2 ст. 2 (*лишение жизни по суду и в случае необходимого применения силы, – В. М.*) по своей природе таковы, что относятся только к уже родившимся лицам и не могут применяться в отношении ребенка, который должен родиться».⁷⁹

Другими словами, правом на жизнь обладает тот, кто уже родился. В юридическом смысле это очевидно, особенно когда речь идет о лишении жизни. Но в социологическом плане мы не можем принять такую трактовку, так как юридическую защиту права ребенка на жизнь некоторые государства, в которых официально запрещены аборты, например, обеспечивают еще до его рождения; признает это право и ГК РФ (ст. 1116), и церковь, рассматривая аборт как грех. В данном случае право на жизнь (хотя бы и в виде запрета на аборты), закрепленное законодательно, появляется раньше, чем сама жизнь. Однако это не значит, что без записи в законе оно не существует.

Факт принятия Всеобщей декларации прав человека в 1948 г. рассматривался только как задача, «к выполнению которой должны стремиться все народы и государства» (Преамбула). А это значит, что Декларация стала лишь актом кодификации уже существовавшего в социуме понятия (и понимания) права на жизнь. Этот основополагающий документ ООН был вызван к жизни массовыми нарушениями прав человека в годы Второй мировой войны, то есть такого периода, когда права человека, в том числе и право на жизнь, принадлежали не ему самому, а тому, у кого, условно говоря, была сила.

История борьбы за права человека, в том числе и главным образом права на жизнь, насчитывает столетия, ее плодами стали Великая хартия вольностей (Англия, 1215), французская

Б. Гофмана. М.: Канон, 1995. С. 8

⁷⁸ Иванец Г. И., Калинин И. В., Червонюк В. И. Конституционное право России: энциклопедический словарь. Под общей ред. В. И. Червонюка. М.: Юрид. лит., 2002

⁷⁹ Комментарий к Конвенции о защите прав человека и практике ее применения. Под ред. В. А. Туманова и Л. М. Энтина. М.: Норма, 2002. С. 22

«Декларация прав человека и гражданина» (1789), американский Билль о правах (1791) и т. д. Очевидно, что если бы неотчуждаемое право на жизнь было действительно неотчуждаемым и принадлежало бы только самому человеку, то не было бы и никакой многовековой борьбы в его защиту, тогда не нужно было принимать и Всеобщую декларацию прав человека.

При этом понятно, что не существует права на жизнь без самой жизни или хотя бы без жизни в утробе. Однако если биологическая жизнь является свойством всего животного мира, то право на жизнь присуще только человеку разумному. Это, безусловно, абстрактный атрибут, он существует только в сознании людей, благодаря чему и превращается в социальное понятие и сообщает эту социальность биологической жизни человека. И чтобы не путать юридическое понятие права на жизнь с правом на жизнь в социологии, мы назовем последнее «правом на социальную жизнь», т. е. правом на жизнь в социуме, и в дальнейшем будем использовать именно это понимание «права на жизнь».

Отсюда мы предлагаем составить формулу «право на социальную жизнь+ биологическая жизнь» и рассмотреть ее в качестве атомной структуры социальной материи, генератора всех социальных отношений. По нашему мнению, это та неделимая часть социальных отношений, которая лежит в основе социальных фактов. Правда, Э. Дюркгейм говорил, что социальные факты имеют своим субстратом общество, а не индивида. Мы же полагаем, что второй признак социального факта (его существование внутри группы независимо от индивидуальных форм, принимаемых им при распространении⁸⁰) все же позволяет нам рассмотреть право на жизнь в качестве социального факта, потому что считаем его, во-первых, неделимым, а значит простейшим, и, во-вторых, реальным субстратом общества, так как именно общество генерирует это право и наделяет им индивида помимо его воли.

Из сказанного следует, что *только внешняя социальная среда наделяет человека правом на жизнь, которым он пользуется во время своего биологического существования!* При этом социальная среда наделяет этим правом всех новорожденных, но защищает его избирательно – в Древней Греции, например, с его помощью регулировали численность населения. Чтобы понять, как это происходит, право на жизнь нужно рассматривать шире и, главное, в отрыве от нравственной оценки, потому что социология не имеет права выдавать желаемое за действительность, иначе она никогда не станет наукой.

Как говорил Э. Дюркгейм, нельзя считать, что только наша нравственность есть нравственность, она, очевидно, была неизвестна первобытным народам.⁸¹ А раз так, то любой, кто находится в здравом уме и обладает опытом социальных отношений, не может отрицать, во-первых, переменность адреса этого социального атрибута жизни, а во-вторых, того, что право на жизнь в социологическом смысле (и только в социологическом) не является неотъемлемым и неотчуждаемым правом индивида!

Право на социальную жизнь не является предметом обычного права, потому что оно действует не только внутри правового поля, иногда совпадая с законом, но и за его пределами. Это то, что живет в каждом из нас, особенно когда мы в очередной раз хотим убить кого-то – сквернословя, трамвайного хама, бандита, человека, который мочится у всех на виду, какого-нибудь хулигана, который на дорогом джипе разносит все вокруг и еще грозит разделаться с окружающими. Мы считаем, что имеем на это право, и не делаем этого только потому, что в массе своей являемся людьми цивилизованными, а тот, кто не разделяет этих ценностей, становится преступником. Если, конечно, его изобличат правоохранительные органы.

---

⁸⁰ Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение. Пер. с фр., составление, послесловие и примечания А. Б. Гофмана. М.: Канон, 1995. С. 36

⁸¹ Там же. С. 63

По мере развития общества и по мере прогресса оно ничего не теряет и не приобретает, оно неизменно, потому что принадлежит не государству и не индивиду, а социуму, и происходит из его биологической природы. Именно оно является основой социальной статистики.

Еще одним доказательством этому служит, как ни странно, нескончаемая череда преступлений против личности, которые сопровождают всякое общество на его пути к прогрессу в любой точке мира и его истории. Ведь даже США – главный поборник всевозможных свобод, в том числе свободы торговли оружием, не может похвастаться сокращением показателей по этому виду преступлений.

Хотелось бы подчеркнуть, что данное заявление не имеет никакого отношения ни к политической или юридической практике, ни к политической истории, ни к этическим предпочтениям интеллигентствующих авторов, которые зарабатывают спекуляциями на эту тему. Это *исключительно* теоретическое положение, которое основывается на реальном положении вещей, на социальных фактах. А они свидетельствуют, что право на жизнь всегда было предметом социальной борьбы.

Кто-то защищает свое право на жизнь, а кто-то пытается его отобрать (примерно как на Украине образца 2014 года). При этом право на жизнь попиралось не только варварами всех времен и народов, но и нормами закона или обычая. Так, в древней Спарте слабых или нездоровых младенцев лишали этого права вместе с жизнью. В древней Греции, Индии и Риме право на жизнь мальчиков ценилось (и ценится кое-где до сих пор) выше, чем девочек. В некоторых районах Индии до недавнего времени существовал старинный обычай *sati*, в соответствии с которым семья мужа отказывает вдове в праве на жизнь, и она должна была заживо сгореть на костре вместе с телом своего покойного мужа, хотя законом это запрещено. Право победителя отличается от права побежденного, которому в любой момент могут отказать в праве на жизнь. Что уж говорить о преступниках, готовых ради корысти, а нередко и просто так, отобрать право на жизнь у жертвы, неспособной себя защитить.

Всякое государство лишает преступников их права на жизнь на время тюремного срока, пожизненно или вовсе забирает его вместе с жизнью по приговору суда. «Уложение о состояниях» Российской империи, например, при лишении прав состояния осужденных на каторгу буквально приравнивало их к... покойникам (ст. 28): «Вследствие потери прав собственности, все прежнее имущество осужденного в каторжную работу или ссылку на поселение, со дня обращения окончательного о том приговора к исполнению, поступает к его законным наследникам, точно так же, как поступило бы вследствие естественной его смерти».⁸²

Сегодня мир столкнулся с проблемой эвтаназии – практикой прекращения жизни человека при определенных условиях. В частности, это когда биологически живого человека, находящегося в состоянии комы, лишают права на жизнь в результате компетентного решения родственников и врачей. Как и в любом деле, здесь не обходится без ошибок, сегодня в прессе иногда приводятся случаи, когда незадолго до отключения аппаратуры «живой труп» просыпался, и ему возвращали право на жизнь. А иногда, наоборот, измученный страшной болезнью человек не может получить право на добровольный уход из жизни, так как это противоречит закону. И наконец, нельзя отрицать того факта, что право на жизнь солдата, особенно в условиях войны, принадлежит его командиру и... его врагу.

Исходя из этого, мы считаем, что взаимодействие жизни и ее переменного социального атрибута – права на социальную жизнь, порождают бесчисленное множество комбинаций, которые, переплетаясь, составляют сложнейшую картину социальной действительности. Почти так же как кварк, право на жизнь, обладающее некоторым зарядом, только не электрическим, а социальным, формирует вокруг себя пеструю социальную ткань благодаря тому, что *право на жизнь одного индивида не равно праву на жизнь другого*.

---

⁸² Канторович Я. А. Законы о состояниях с разъяснениями. СПб, 1901. С. 11. www.rsl.ru

С политической и юридической точки зрения – это крамола, именно поэтому эта простая мысль не может прийти в голову официально практикующим ученым, что, конечно, лишает научное сообщество новых путей познания. Обыденный взгляд, оглядка на авторитеты (как правило, зарубежные) и давно проторенные пути научных поисков мешают им увидеть главное. И только через крамолу, как сквозь волшебную призму, можно по-новому взглянуть на сущность вещей, на сущность социальных вещей.

Как бы то ни было, из песни слов не выкинешь, потому что подтверждением того, что право на жизнь одного человека не равно праву на жизнь другого и является своеобразной социально заряженной вещью с разным потенциалом, служит тот факт, что этот потенциал можно измерить (в отличие, например, от пассионарности). Измерить в буквальном смысле слова. Дело в том, что он выражается через *стоимость*, большую или меньшую цену.

В свое время немецкий философ и социолог Георг Зиммель провел анализ представлений о стоимости человека в связи с развитием денежного обмена. Он рассмотрел трансформацию стоимостной оценки человека от начала цивилизации до нового времени и вывел закономерность в виде перехода от индивидуалистического восприятия личности к типологическому. Это нетрудно представить себе, поскольку, если человек давно научился измерять такую нематериальную вещь как время, то цена жизни человека, вещи не менее абстрактной, чем время, была установлена еще раньше.

Как подсказывает здравый смысл, в первобытном обществе цена взрослого охотника, способного приносить добычу и кормить семью, не могла быть ниже цены маленького ребенка или старика. И при какой-то гипотетической ситуации, когда между ними нужно было сделать выбор, например, кого кормить, а кого – нет, ясно, что этот выбор должен был делаться в пользу взрослого охотника или главы семьи. Больше того, как утверждают специалисты, «в первобытном обществе во время продолжительных голодовок первыми съедали детей и стариков».⁸³ И это понятно, цена их права на социальную жизнь, особенно стариков, стремилась к нулю.

Во многом такое отношение к этим категориям людей сохраняется и сегодня: она, конечно, не так очевидна, и проявляется только в крайних случаях. Например, когда не хватает денег для всех на лечение тяжелого заболевания. Как отмечал в свое время председатель исполнительного комитета «Движение против рака», член совета общественных организаций по защите прав пациентов при Минздраве РФ Николай Дронов, «детей и стариков лечить невыгодно, они же не являются источниками генерирования добавленной стоимости – это «нетрудовые ресурсы»».⁸⁴

Другими словами, индивидуальная цена каждого отдельно взятого человека устанавливалась еще в пра-семьях, вероятно, когда люди поселились в пещерах, задолго до появления денег, и сохраняется до сих пор. Это настолько древнее и естественное социальное качество человека (почти биологическое), что никто его уже не ощущает. Точно так же, как не ощущаем воздуха, которым дышим. Сегодня она стала типологической, как утверждал Г. Зиммель, т. е. нивелировалась, сошла на нет. Но все-таки она не исчезла совсем, ведь никакая цивилизация не в состоянии изменить биологическую сущность человека. Ее можно увидеть в наших фантазиях, в которых мы безжалостно расправляемся со своими обидчиками, потерявшими в наших глазах всякую цену, или в редких случаях современного каннибализма и нередких случаях преступлений против личности, или в обычае кровной мести и т. д.

Исходя из этого полагаем, что социально заряженное право на жизнь первоначально появляется в патриархальной семье, распространяется внутри общины, потом рода и племени, вступая при этом в сложные взаимодействия с правами других людей. В дальнейшем практика оценки человека стала реализовываться в процессах политогенеза – цена стариков корневого

---

⁸³ <http://www.ethnonet.ru/lib/1103-02.html>

⁸⁴ Дронов: онкобольные слушают сказки от чиновников повсеместно // РИА Новости. 26.08.2013. http://ria.ru/sn_opinion/

рода с их опытом выживания постепенно повышалась, и они превращались в старейшин. В древнемонгольском обществе, например, «более старшие поколения превосходили по рангу более молодые поколения, точно так же как старшие братья были выше по рангу, чем младшие братья. При расширении роды и кланы иерархически классифицировались на основе старшинства».⁸⁵

Другой стороной этого процесса стали обычаи, регулирующие численность населения. В древности этот инструмент экономической политики был достаточно типичным (демографией тогда мало интересовались). Так, французский историк А. Валлон приводил свидетельство епископа Дионисия, который, побывав в 250 году н. э. в Александрии, утверждал, что, несмотря на суровые законы, там процветало детоубийство.⁸⁶ Получается, что в древности дети ничего не стоили, вернее, часто они представляли собой только издержки, и тогда им отказывали в праве на жизнь – правда, не всегда выбирая убийство в качестве способа собственного выживания: иногда, например, их продавали. Во времена, предшествовавшие созданию Монгольской империи «один человек из племени баяут, по имени Баялик, привел своего сына и продал [его] ... за некоторое количество мяса изюбря».⁸⁷ мальчик положил начало роду рабов, которые впоследствии служили Чингис-хану.

Не секрет, что и сегодня в нашей прессе время от времени сообщается о случаях, когда родители продают своего ребенка.⁸⁸ Может быть, это и не совсем отказ в праве на жизнь, но все же нечто похожее на корзину, в которой Ремул и Ром оказались в Тибре. В русской патриархальной семье, просуществовавшей примерно до 30-х годов XX века, сохранялся менее драматичный, но достаточно характерный обычай, при котором только глава семьи мог начинать обед, первым зачерпывая суп из общей миски. «Кого ждут, чтобы первым взял бы ложку хлебать щи?» – спрашивалось в «Памятке по воинскому чинопочитанию» начала XX века. Ответ: «Отца».⁸⁹ В социологическом плане это свидетельствует не только о его месте в семейной иерархии, но и о социальной цене, т. к. его право на жизнь ценилось выше.

Что уж говорить о крепостном строе, особенно когда крестьян стали продавать без земли и закладывать в банк, или античном рабовладельческом обществе (хотя и сегодня в мире по разным оценкам насчитывается до 200 млн рабов). В Древнем Риме, в эпоху Юстиниана, например, цена на рабов устанавливалась как на вещь, обладающую теми или иными потребительскими качествами. И судя по цене, малый возраст был недостатком товара. «Рабы мужского и женского пола моложе 10 лет стоили 10 золотых (солидов), старше 10 лет – 20 солидов, если они не имели никакой профессии; если они имели какую-нибудь специальность, их цена могла достигнуть 30 золотых; больше того, рабы, умеющие писать, оценивались в 50 солидов, а врачи и повивальные бабки – в 60 солидов».⁹⁰

На Руси в XI в. разную цену за человека, вернее за ущерб, причиненный его убийством, устанавливала «Правда роськая» (Русская правда): «ст.21. А за княжеского тиуна 80 гривен, ст.22. За княжеского сельского старосту или за полевого старосту платить 12 гривен, а за княжеского рядовича 5 гривен, ст. 23. А за убитого смерда или холопа 5 гривен».⁹¹ «Русская правда» вообще не слишком высоко ценила жизнь русского человека, поскольку, как отме-

⁸⁵ Крадин Н. Н., Скрынникова Т. Д. Империя Чингис-хана // М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2006. С. 90

⁸⁶ Семевский Ф. Н. Введение в динамику численности популяций человека // Журнал «Самиздат». 2010. http://zhurnal.lib.ru/s/semewskij_fedor_nikolaewich/vvedenie_v_dinamiku_chislennosti_populiacii_cheloveka.shtml

⁸⁷ Крадин Н. Н., Скрынникова Т. Д. Империя Чингис-хана // М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2006. С. 233

⁸⁸ Мать продала ребенка, рожденного не от мужа // LifeNews. 17 августа 2010. <http://lifenews.ru/news/35029>

⁸⁹ Воинское чинопочитание и постоянный вестовой. Сост. И. Ильенко. Калуга: Тип. Е. Г. Архангельской, 1901. С. 1. www.rsl.ru

⁹⁰ Валлон А. История рабства в античном мире. Смоленск: Русич, 2005. С. 437

⁹¹ Русская правда // Хронос. <http://www.hrono.ru/dokum/1000dok/pravda72.php>

чал В. О. Ключевский, даже имущество ценилось выше, чем человек, его здоровье и безопасность.⁹²

Эти положения «Русской правды» часто приводят в учебниках в качестве доказательства формирования социального расслоения древнего общества на Русь, формирования социальной иерархии. И с этим трудно поспорить. Но для нас важно именно то, что право на жизнь человека всегда и везде имело определенное стоимостное выражение, не важно, по какому принципу оно устанавливалось – по возрасту, полу, профессии, сословной принадлежности, должности или в сочетании нескольких качеств. Главное, что цена была и существует до сих пор, точнее, практика социальной оценки человека, хотя обычно она носит условный или типологический характер (все-таки борьба за права человека не прошла даром). Несмотря на это, в наше время можно без труда познакомиться с индивидуальными ценами на человека, например, в криминальных сводках, которые рассказывают о фактах захвата заложников. Цена за жизнь последних устанавливается преступниками в зависимости от социального веса «правообладателей» – их родственников или государства.

Конечно, могут сказать, что сегодня человек – это все-таки не товар. И если в древности он и был таковым, то теперь людей ценят по другим признакам, их нельзя продавать, а преступники – это отдельный разговор. С точки зрения социологии, это только субъективное ощущение, что преступники отдельный разговор. Чтобы добраться до социальной сути явления, нам нужно, оттолкнувшись от ощущений, рассмотреть его как вещь, как объективно существующую реальность. Именно к этому призывал нас Эмиль Дюркгейм.

Он говорил, преступление наблюдается не только в большинстве обществ того или иного вида, но во всех обществах всех типов.⁹³ Тогда станет понятно, что современный киднеппинг, вопреки высокому уровню типологизации восприятия личности, не только язва нашего времени: он имеет ту же социальную природу, что, скажем, и набеги Крымских ханов на территорию России с целью захвата пленных, а потом выдачи их за выкуп. Просто между первыми и вторыми разница во времени и техническом оснащении, но природа, очевидно, одна и та же – получить прибыль неэкономическим путем, воспользовавшись доступностью такого универсального товара как человек. Основным признаком данного явления служит то, что и те, и другие считали и считают, что имеют на это полное право.

Получается, право на жизнь русских крестьян (или современных заложников) в момент захвата в плен переходило в руки татарских ханов (современных гангстеров и террористов). Впрочем, как и любая другая вещь, например, одежда пленников, их скот и иное имущество. И тут мы опять приходим к выводу, что право на жизнь находится в одном ряду с вещами, больше того, само является вещью, что соответствует подходу Э. Дюркгейма, который утверждал, что «социальные факты – это материальные вещи; это вещи того же ранга, что и материальные вещи, хотя и на свой лад».⁹⁴ Любая из этих вещей, включая право на жизнь, имеет свою стоимость и в любой момент может поменять владельца, нередко вопреки его воле.

Стоимостную составляющую человека определенным образом подтверждает и теория человеческого капитала, созданная американским ученым Теодором Шульцем, который получил за нее Нобелевскую премию, в конце 60-х годов XX века. Это экономическая теория, и в ней, естественно, ничего не говорится о том, что без права на жизнь человеческий капитал будет стремиться к нулю. Но это подразумевается, поскольку нельзя же инвестировать в человека, которому отказано в праве на жизнь, или чья социальная стоимость изначально невысока в силу отсутствия соответствующего образования и низкой культуры.

---

⁹² Василий Ключевский // Хронос. http://www.hrono.ru/libris/lib_k/klyuch14.php

⁹³ Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение. Пер. с фр., составление, послесловие и примечания А. Б. Гофмана. М.: Канон. 1995. С.84

⁹⁴ Там же. С. 7

Более того, существуют методики расчета человеческого капитала, индекс развития ЧК, в соответствии с которым, например, его стоимость в России в 2012 г. превысила 600 трлн рублей, что в 13 раз больше ВВП страны и в 5,5 раза больше стоимости физического капитала. (Так и хочется порадоваться за каждого работающего россиянина стоимостью в 6 млн рублей по ценам 2010 года.)⁹⁵

Но в нашем понимании, отличном от теории Т. Шульца, стоимость человека, вернее, стоимостное выражение права на социальную жизнь – это не экономическое понятие, потому что оно не равно сумме тех или иных инвестиций в него. Оно является как бы магнитным полем для разнозаряженных частиц (индивидов), которое принуждает их группироваться определенным образом в соответствии с социальной ценой, установленной для них обществом. А цена в данном случае – это и есть *индикатор социального потенциала человека*. Не всегда ее можно точно определить, но нам будет достаточно установить ее относительно усредненную величину, степень распространенности и постоянства, которые Э. Дюркгейм определял как «условие всякой объективности»,⁹⁶ не прибегая к абсолютному расчету; цифры – удел экономики.

Стоимостное содержание права на жизнь дает нам основание для установления предмета нашего исследования, за который мы принимаем следующую формулу:

$$\text{право на социальную жизнь} + \text{биологическая жизнь} = \text{фундаментальный социальный факт или } R_s + L_b = F,$$

где биологическая жизнь (Lb) – относительно устойчивое, объективное и протяженное во времени биологическое существование, а право на социальную жизнь (Rs) – относительно неустойчивый социальный атрибут биологической жизни с переменным адресом, который носит первичный по отношению к жизни после рождения характер, является субстратом социальной среды и обладает социальным потенциалом (зарядом) в виде относительного стоимостного выражения.

А фундаментальный социальный факт (F) – потому что с него все начинается, это фундамент социальных отношений, своеобразный бозон Хиггса в социологии, такой же хрупкий и коротко живущий (с точки зрения исторических процессов), такой же источник гравитации, только социальной, и такой же объективный. Однако он отличается от обычного социального факта тем, что, во-первых, на него можно воздействовать, он по природе своей подвержен воздействию тех же самых социальных фактов, а во-вторых, его биологическое существование имеет индивидуальный предел.

При этом, человек как фундаментальный социальный факт и как бозон Хиггса является основой и источником всех социальных фактов, принудительному воздействию которых он сам подтвержден. Здесь не трудно заметить, что между ними существует устойчивая диалектическая связь. Не случайно Александр Зиновьев говорил, что особенность социальных объектов состоит прежде всего в том, что люди сами суть объекты такого рода, постоянно живут среди них и в них.⁹⁷ Такой несколько абстрактный, но в то же время объективный взгляд на человека как на социальный факт позволит нам примирить предмет исследования с предметной областью социологии, которая, по А. Ю. Завалишину, представляет собой систематическое изучение индивидов в составе групп и социальных образований.

Если описать наш предмет словами, то *это индивид, рассмотренный с точки зрения его социального потенциала, выраженного в стоимостной оценке права на жизнь, которым он пользуется по поручению социума*. Если еще короче, то это Homo Sapience, наделенный правом на жизнь в обществе, правом на социальную жизнь. Отсюда право на жизнь – это тот самый пас-

⁹⁵ <http://newsru.ru/finance/12oct2012/ruhumcptl.html>

⁹⁶ Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение. Пер. с фр., составление, послесловие и примечания А. Б. Гофмана. М.: Канон. 1995. С. 65

⁹⁷ Зиновьев А. А. На пути к сверхобществу. М.: ЗАО Изд-во Центрполиграф, 2000. С. 4

порт, благодаря которому человек получает прописку в обществе и становится членом социума. А уже в социуме проводятся котировки живого товара по имени Человек, в ходе которых устанавливается цена права на жизнь каждого в отдельности и всех вместе взятых, в зависимости от потребностей и приоритетов тех или иных социальных групп и условий их существования. Образно говоря, постоянные торги на этой своеобразной биржевой площадке составляют главное содержание социальной действительности и служат источником социального взаимодействия между людьми, переплавляя сумму их индивидуальностей в единое целое, в реальность особого рода – в общество.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.